

Глава 9. Право на отказ

Пятница на девяносто девятом этаже ощущалась как вакуум.

Никакого шума опен-спейса, никаких гудящих кофемашин, никаких перешептывающихся ассистентов. Только идеальная климатическая установка, фильтрующая воздух до стерильного состояния, и панорамные окна, за которыми Нью-Йорк казался игрушечным макетом.

Я сидел за своим столом, глядя на пустую строку в расписании, где еще вчера значился ужин с Марком. Омаха. Идеальное корпоративное решение. Никакой крови, никаких сломанных костей, никаких скандалов. Просто один электронный приказ с пометкой «срочно», щедрый бонус за переезд, и человек исчезает с доски.

Хоумлендер не нарушил наше соглашение напрямую. Он признал мое право на личное время. Он просто уничтожил саму причину, по которой это время понадобилось мне вне его орбиты.

Я знал, что он придет. Это был очевидный следующий ход. Убрав фигуру противника, победитель должен занять освободившуюся клетку.

Стекло моей двери даже не скрипнуло, когда он вошел. Просто в какой-то момент давление в кабинете изменилось, словно воздух стал плотнее. Я не стал вздрагивать. Медленно сохранил документ, над которым работал — черновик пресс-релиза для очередного благотворительного фонда Vought, — и поднял глаза.

Он стоял посреди кабинета, заложив руки за спину. На его лице играла та самая мягкая, телевизионная улыбка, от которой у людей по ту сторону экрана возникало чувство безопасности, а у тех, кто стоял рядом, сводило желудок.

— Я слышал, твои планы на вечер сорвались, — произнес он с идеально выверенным сочувствием в голосе. — Какая досада. Корпоративная машина бывает такой безжалостной, правда?

Он даже не пытался скрыть, что знает. Он упивался этим.

— Действительно, — ровно ответил я, откидываясь на спинку кресла. — Экстренный перевод. Редкий случай для HR.

— Но, знаешь, нет худа без добра. — Хоумлендер сделал плавный шаг к моему столу, положив ладони на край столешницы. Стеклопанель под его пальцами едва слышно скрипнула. — Я подумал, раз уж твой вечер освободился, мы могли бы поужинать. В «Габриэле». Я велел Эшли забронировать весь зал. Никаких камер, никаких репортеров. Только ты и я. Обсудим... стратегию.

Это не было приглашением. Это была фиксация прибыли. Если я сейчас скажу «да», я подпишу невидимый контракт: «Любой, кто попытается занять мое время, исчезнет, и я приму это как норму». Я легитимизирую его метод. Я покажу ему, что изоляция работает.

Я смотрел на его лицо. На идеальные черты, на синие глаза, в которых светилося предвкушение абсолютного контроля. Он ждал благодарности. Ждал, что я оценю его щедрость — ведь он мог просто приказать, но вместо этого устроил целый спектакль с рестораном.

Мой пульс начал медленно ускоряться. Я знал, что он это слышит, и не пытался подавить физиологию.

— Нет, — сказал я.

Слово повисло в стерильном воздухе кабинета. Оно было коротким, плоским и абсолютно лишенным агрессии.

Улыбка Хоумлендера не исчезла, но она застыла, превратившись в пластиковую маску. Воздух вокруг нас, казалось, упал на несколько градусов.

— Что ты сказал? — Его голос стал тише, утратив телевизионные модуляции.

— Я сказал «нет». Спасибо за приглашение, но я не приду.

Он медленно выпрямился. Плащ за его спиной тяжело качнулся.

— Я освободил твой вечер, Эван. Я забронировал лучший ресторан в городе. Я предлагаю тебе свое время, которого жаждет весь гребанный мир.

— И я ценю это, — спокойно ответил я, хотя мышцы спины превратились в камень. — Но я планирую поехать домой. Неделя была тяжелой.

— Ты отказываешь мне. — Это не был вопрос. Это была констатация факта, в которой зарождалась угроза. Он воспринимал это не как отказ от еды, а как публичную пощечину. Как бунт.

— Я отказываюсь от ужина.

— А если я сделаю это не приглашением? — Он чуть склонил голову набок, и в глубине его глаз мелькнула опасная тень. — Если я скажу, что это приказ твоего прямого руководителя?

Я выдержал его взгляд.

— Если это прямой приказ руководителя в рамках моих рабочих обязанностей — я поеду в ресторан. Я буду сидеть там, отвечать на ваши вопросы о PR-стратегии и выполнять свою работу. Но мы оба знаем, что это не так.

Хоумлендер смотрел на меня долгих пять секунд. Я чувствовал, как тишина давит на барабанные перепонки. Он привык, что люди ломаются от одного изменения его тона. Мой отказ был для него сбоем в матрице, системной ошибкой, которую он не знал, как обработать. Ударить? Сжечь? Но я был ему нужен. Я был единственным, кто не пресмыкался.

Внезапно он усмехнулся. Коротко, без юмора.

— Иди домой, Эван. Отдыхай, — бросил он, разворачиваясь.

Он вышел из кабинета быстрее, чем обычно. Я шумно выдохнул, только когда двери лифта в конце коридора закрылись.

Победа? Нет. Это была отсрочка. Хоумлендер никогда не оставлял проигрыш без ответа.

Я закончил работу через два часа. Собрал ноутбук, сбросил данные на зашифрованный диск Vought, надел пальто.

Спуск на лифте на подземную парковку казался бесконечным. Цифры этажей на табло мелькали, отсчитывая путь вниз, подальше от башни, в которой я добровольно запер себя.

Двери разъехались, впуская в кабину запах бензина, сырого бетона и выхлопных газов. Я направился к VIP-выходу, где обычно дежурили корпоративные машины. Мой телефон молчал. Никаких сообщений от Эшли, никаких экстренных вызовов.

Черный тонированный внедорожник Vought стоял у самого выезда. Водитель — один из тех безымянных оперативников службы безопасности, что обычно напоминали роботов, — сидел за рулем, вцепившись в него так, словно его сейчас расстреляют. Он смотрел строго прямо перед собой.

Задняя дверь машины была открыта.

Рядом с ней стоял Хоумлендер.

Здесь, в тусклом свете люминесцентных ламп парковки, без софитов и камер, его костюм казался неестественно ярким, почти кровавым. Он стоял расслабленно, скрестив руки на груди, но каждая линия его тела излучала напряжение сжатой пружины.

Я остановился в пяти шагах от него.

— Я решил, что тебе не стоит ехать на метро, — произнес он. Его голос гулким эхом отразился от бетонных стен. — Садись. Мы едем в «Габриэль».

Он перекрывал мне путь. Не физически — места обойти его было достаточно, — но психологически он заполнял собой всю парковку.

— Мой ответ не изменился, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Хоумлендер сделал шаг ко мне. Подошвы его сапог беззвучно коснулись бетона, но эффект был таким, словно он обрушил на меня бетонную плиту.

— Я не спрашивал твоего ответа, Эван. Я сказал — садись в машину.

Мы перешли грань. Это больше не было игрой в корпоративную вежливость. Он устроил засаду, чтобы доказать свою власть. Он хотел показать, что мое «нет» на девяносто девятом этаже ничего не значит, если он решит применить силу.

Я посмотрел на темный салон внедорожника, затем на Хоумлендера.

— Вы можете бросить меня на это сиденье, — произнес я. — Вы можете пристегнуть меня ремнем, запереть двери и привезти в ресторан. Вы можете усадить меня за стол и заставить есть. Физически — я не могу вам помешать.

— Тогда почему ты все еще стоишь здесь? — процедил он, склоняясь ко мне. От него пахло озоном и дорогим одеколоном. — Ты упрямисься просто ради того, чтобы упрямиться. Ты хочешь показать, что у тебя есть яйца? Я могу это исправить.

Угроза была прямой и абсолютно реальной.

— Дело не в упрямстве, — я заставил себя не отводить взгляд. — Дело в нашем уговоре. Мы договорились о честности.

— И в чем же твоя честность сейчас?

— В том, что если я сейчас сделаю шаг к этой машине, я сделаю его только потому, что до смерти вас боюсь.

Хоумлендер замер. Его глаза чуть сузились, сканируя мое лицо.

— Вы можете слушать мой пульс, — продолжил я, понизив голос так, чтобы водитель не мог нас услышать. — Вы можете слышать мое дыхание. Вы знаете, что я стою здесь и просчитываю, сколько миллисекунд вам понадобится, чтобы свернуть мне шею или прожечь дыру в моей груди. Если я сяду в эту машину под вашим давлением, это будет не согласие. Это будет дрессировка страхом.

Я сделал крошечную паузу, собирая все свое самообладание.

— Вы хотите, чтобы я сидел с вами за столом как заложник? Чтобы я улыбался, глотая еду, и думал только о том, как бы не разозлить вас, чтобы вы не отправили меня в Омаху вслед за Марком? Или хуже?

При упоминании Марка уголок его губ едва заметно дернулся. Он не стал отрицать.

— Я могу поехать с вами, — тихо закончил я. — Но тогда не ждите от меня искренности. Вы получите ровно то, что создали: запуганного сотрудника, выполняющего приказ. Если вам нужен заложник — я сяду в машину. Если вам нужен человек, который выберет вас сам — позвольте мне отказаться.

Тишина на парковке стала абсолютной. Мне казалось, я слышу гул электрических проводов над головой.

Хоумлендер смотрел на меня. Его челюсти сжались так сильно, что желваки превратились в острые камни под кожей. В его глазах боролись две сущности. Одна — всемогущий бог, привыкший ломать любые преграды и брать желаемое силой. Вторая — та самая голодная, искалеченная часть, которая отчаянно нуждалась в том, чтобы ее выбрали добровольно.

Заложников у него были миллионы. Вся Америка была его заложником. Ему не нужен был еще один.

Он хотел моего добровольного согласия. Он хотел, чтобы мое «да» было настоящим. А для этого мое «нет» должно было иметь вес.

Он медленно выдохнул через нос.

— Твоя честность, Эван, — произнес он, и в его голосе прозвучало нечто среднее между раздражением и странным, извращенным восхищением, — однажды доведет тебя до беды.

Он отступил на полшага.

— Иди домой.

Я не стал проверять, передумает ли он. Не побежал, не показал облегчения. Просто кивнул, обошел его по дуге, сохраняя достоинство, и направился к выезду с парковки на улицу, к стоянке такси.

Только когда я оказался на заднем сиденье желтого кэба и Нью-Йорк замелькал за окном размытыми огнями витрин, меня накрыло. Мышцы расслабились, и по спине пробежал холодный пот. Я не переиграл его. Я добился только одного: в тот вечер он не потащил меня в машину. Почему — из-за моей честности или потому, что ему понадобилась другая форма контроля, — я еще не знал.

Такси остановилось у моего дома. Я расплатился, накинул пальто и пошел к парадной.

Адреналин медленно спадал, оставляя после себя тяжелую, гудящую усталость. Я хотел налить себе стакан виски, принять горячий душ и спать до полудня.

Я поднялся на свой этаж. В коридоре было тихо. Ковролин скрадывал шаги.

Я достал ключи, подходя к своей двери.

И замер.

Из-под дверного полотна на темный ковролин падала узкая полоска желтого света.

Я стоял, глядя на эту полоску, и чувствовал, как усталость мгновенно испаряется, сменяясь липким, первобытным ужасом.

Я всегда выключал свет. Это была мышечная память, привычка одинокого человека. Я никогда не оставлял лампы включенными.

Мое «нет» на парковке не было победой. Это была просто смена декораций. Хоумлендер отпустил меня домой, чтобы показать кое-что другое.

Мой дом больше мне не принадлежал.

<http://bllate.org/book/18410/1759049>